

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 41-1, Is. 3-1, pp. 927-935, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(47)

Noble Estate Self-Government in Russia: Between the State and Civil Society

Alexander Yu. Morozov ^{a, *}^a Moscow State Regional University, Russian Federation

Abstract

This article is devoted to assessing the role of noble self-governance in the history of Russia. According to Boris Mironov, before the Great Reforms of the 1860s, each noble assembly was a part of civil society. This point of view has aroused objections and debate among Russian historians. Morozov analyzed the historiographical aspect of the problem and demonstrated the impact of the socio-political context of their scientific work on Russian historians. In his opinion, from a purely legal point of view, there is reason to conclude that the autonomy of noble assemblies increased in the first half of the 19th century. However, the question of the extent to which these opportunities were realized in practice has been poorly studied. In the literature, there are examples of effective methods of influencing the government at the noble assemblies despite legal restrictions, as well as examples of noble assemblies that did not restrain the arbitrariness of the crown authority, did not protect their members from its abuse, and did not serve as the expression of public opinion. Mironov's attempt to place in doubt the fact of the widespread presence of absenteeism seems unconvincing to Morozov. However, he agrees with Mironov that after 1861, the nobility really became a part of civil society, because the activity of noble organizations increased substantially in many different directions, including the political. For almost half a century of its history, the noble corporate organization evolved from a traditional institution into a civil one, which retained many features of traditional organization.

Keywords: noble estate self-government; civil society; government intervention in the activities of noble assemblies; Russian Empire; absenteeism; Charter to the nobility; historiography; discussion on self-government; the evolution of noble societies; legal and actual rights.

В своем фундаментальном труде «Российская империя: от традиции к модерну» (Миронов, 2014; Миронов, 2015а; Миронов, 2015b) Б.Н. Миронов анализирует и интерпретирует столько интереснейших вопросов нашего имперского прошлого, что разбираться с ними – поддерживать, опровергать, дискутировать – придется, несомненно, целому поколению российских историков (а то и не одному) (Миронов, 2013). Мне бы хотелось затронуть сравнительно узкую, но интересную проблему дворянского сословного самоуправления, которую автор раскрывает в главе 7 «Община и самоуправление как доминирующие формы социальной жизни» второго тома своего исследования (Миронов, 2015а: 281–298).

Если говорить о русском населении центральной России и оставить в стороне вопрос о духовенстве (хотя Русскую православную церковь также можно отчасти рассматривать как

* Corresponding author

E-mail addresses: almor1965@gmail.com (A.Yu. Morozov)

самоуправляющуюся корпорацию), то на протяжении примерно полутора столетий в империи существовали как официально признанные институты три структуры сословного самоуправления – дворянское, городское и крестьянское. Среди них наиболее развитым традиционно признается дворянское самоуправление. По мнению Б.Н. Миронова, «еще до Великих реформ 1860-х гг. *каждое дворянское общество представляло собой сложившийся элемент гражданского общества* (выделено мной. – А.М.), поскольку являлось автономным от государства сообществом свободных граждан со своей организацией, через которую они имели право и возможность отстаивать свои групповые интересы. Органы дворянского общества действовали по закону и на основе разделения властей... Закон установил компетенцию всех органов дворянского самоуправления, определил отношения между ними и членами дворянских обществ, установил четкие процедуры для дискуссий, принятия решений и их реализации. Дворянское общество имело свой представительный орган в лице дворянского собрания, в деятельности которого можно видеть зачатки парламентаризма: там действовали заинтересованные группы лиц, иногда с различными политическими взглядами; эти группы по определенным правилам и в рамках закона вели борьбу за достижение своих целей. Не случайно именно в дворянских обществах впервые зарождались идеи введения в России конституционного порядка, ограничения самодержавия, создания всероссийской политической организации. Дворянские общества имели реальную возможность влиять не только на губернскую коронную администрацию, но и на правительство» (Миронов, 2015а: 294). Следует отметить, что автор почти дословно воспроизвел здесь вывод, сделанный им в более ранней работе (Миронов, 2003: 521), т. е. знакомство с новой литературой по данному вопросу и критические замечания не заставили его пересмотреть указанную точку зрения даже в деталях.

Точка зрения Б.Н. Миронова вызвала возражения А.С. Тумановой – пожалуй, крупнейшего на сегодняшний день отечественного специалиста по истории гражданского общества в России. Полемизируя с ней, Борис Николаевич ссылается на ряд недавних исследований, отступающих от классического «невысокого мнения о российском дворянстве и его корпоративных институтах» (Миронов, 2015а: 298).

Что можно сказать в этой связи? Если мы посмотрим на Жалованную грамоту дворянству (т. е. тот документ, который и утвердил на все последующее время фундамент сословного дворянского самоуправления), то как бы мы не пытались «завысить» ее оценку, прежде всего обращает на себя внимание крайняя ограниченность полномочий дворянских собраний и неопределенность их законодательного регулирования взаимоотношений с органами государственной власти. На это обратил внимание еще современник Екатерины II и один из самых жестких критиков ее реформ князь М.М. Щербатов, сделавший постатейный анализ Жалованной грамоты дворянству. Весьма сочувствуя введению сословного дворянского самоуправления, Щербатов негодовал по поводу сильного подчинения дворянских собраний наместничьей власти. Он был убежден, что эта власть совершенно убьет самостоятельность дворянского сословия (Щербатов, 1896: 269–334). Причины и последствия такой ограниченности и неопределенности дискуссионны, но сама неопределенность признается, кажется, всеми. Касательно причин некоторые исследователи увидели здесь сознательную линию императрицы, опасавшейся чрезмерного влияния дворянских собраний на местную политику и желавшей сохранить в неприкосновенности (но в просвещенном европейском «декоре») не только саму самодержавную власть, но и власть своих наместников (Романович-Славатинский, 1870: 442). Как писал один язвительно настроенный современник, Екатерина хотела «бросить пыль в глаза Европы и обморочить потомство» (Винский, 1877: 102). Эта точка зрения получила позже широкое распространение в либеральной и советской историографии. Другие же исследователи, высоко оценивая потенциал реформы, указывали на ее отрывочность и незавершенность (Корф, 1906: 162).

Столь же противоречивы и оценки последствий реформы. В целом в дореволюционной и тем более в советской историографии преобладали критические настроения, вплоть до маркировки многих элементов этой конструкции в качестве «фиктивных» (Градовский, 1878: 143). В связи с этим некоторые историки отказывались говорить о дворянском сословном самоуправлении – по мнению, например, В.О. Ключевского, «это было не сословное самоуправление, даже не наблюдение за ним, а только периодическая поставка выборных лиц на известные должности местного управления» (Ключевский, 2010: 482). В то же время С.А. Корф отмечает, что и само дворянское сословие в силу своей

необразованности и некультурности оказалось не готово воспринять те – пусть немногие и ограниченные – самоуправленческие нормы, которые содержались в Жалованной грамоте; по его мнению, дворянское самоуправление «юридически несомненно было установлено, фактически же никогда не осуществилось» (Корф, 1906: 178). Некоторые авторы указывают на обе причины слабости дворянского самоуправления – так, по мнению Р. Пайпса, «правила деятельности дворянских собраний были уставлены таким количеством ограничений, а члены их в любом случае были настолько нерасположены к общественной деятельности, что собрания так и остались безобидными светскими сборищами» (Пайпс, 1993: 241–242).

Иной подход, кажется, берет начало от мнения русского историка-эмигранта В.В. Леонтовича, согласно которому после «издания Жалованной грамоты в 1785 году появилось... во всей России сословие, за которым признавалась гражданская свобода и члены которого располагали гражданскими правами»; реформа «даровала дворянству права, принадлежащие статусу свободного гражданина», заложив «первый краеугольный камень для создания гражданского строя в России» (Леонтович, 1995: 34, 37). Высокую оценку реформе дает, в частности, такой крупный современный специалист по истории России XVIII в., как Е.В. Анисимов – с его точки зрения «значение сословной реформы Екатерины II невозможно переоценить» (Анисимов, 2008: 332).

Как нам представляется, это хороший (можно сказать, учебный) пример влияния на историков социально-политического контекста их научного творчества. Во второй половине XIX – начале XX в. абсолютному большинству думающих современников те начала дворянского самоуправления, которые были дарованы самодержавием в 1785 г. и продолжали существовать до 1917 г., представлялись буквально жалкими крохами, заслуживающими самых скептических оценок. Однако позднее советские реалии заставили оценить этот опыт более высоко и менее критично. Это относится не только к общетеоретическим оценкам, но и к интерпретации конкретных фактов. Так, к примеру, В.О. Ключевский упоминает, что некоторые иностранцы, присутствовавшие на дворянских съездах, «считали их опасными в политическом отношении: два француза, путешествовавшие по России в начале 1790-х годов, наслушавшись этих речей и толков, пророчили в своих путевых записках, что рано или поздно эти собрания непременно подадут сигнал к великой революции». Но, по мнению историка, «это пророчество было совершенно несбыточно по самому характеру, какой получили на деле сословное дворянское самоуправление и то участие в местном губернском управлении, какое дано было дворянству Положением 1775 года и грамотой 1785 года. Это участие выражалось главным образом в дворянских съездах и выборах на известные должности. В губернском городе через каждые три года для местного дворянства наступала на несколько дней периодическая суэта ораторская, избирательная и гастрономическая; но на дворянских собраниях не читали ни докладов об общем положении дел в губернии, ни отчетов выборных должностных лиц о своих действиях за прослуженное трехлетие, не производилось ревизий и проверок их деятельности. Таким образом, дворянство не имело побуждения постоянно следить за положением дел в губернии и за ходом выборного управления. Окончив выборы, дворяне разъезжались по своим усадьбам и до следующего съезда спокойно предавались своим домашним занятиям, зная своего уездного предводителя и капитана-исправника и мало заботясь о ходе дел в губернии» (Ключевский, 2010: 482). Упоминание «гастрономической суеты» особенно подчеркивает несерьезность всей этой деятельности. Но у современных исследователей эти же свидетельства иностранцев и «оживление» дворянских съездов выступают как показатель успеха реформы (особенно в сравнении с «вялостью» городского самоуправления) (Еремян, Федоров, 1999: 184).

Столь же противоречивы и оценки эволюции дворянского самоуправления в период от смерти Екатерины II до 1861 г. Единство наблюдается, пожалуй, только в характеристике деятельности Павла I, когда проявилось однозначное стремление верховной власти к ослаблению дворянской корпоративной организации. Но существенных последствий это не имело, поскольку Александр I в самом начале своего царствования восстановил действие Жалованной грамоты дворянству в полном объеме. Заслуживает внимания, однако, мнение крупнейшего дореволюционного исследователя дворянского самоуправления С.А. Корфа, что именно при Павле I началось «отлынивание» дворян от выборной службы в самоуправлении, поскольку «самодеятельность была убита» (Корф, 1906: 268).

В современной литературе высказано мнение, что в первой половине XIX в. «самостоятельность дворянских собраний усиливалась» (Иванова, Желтова, 2009: 143). Эта оценка перекликается с мнением Б.Н. Миронова. Действительно, сугубо с юридической точки зрения основания для такого вывода, несомненно, есть. Так, например, губернаторам предписывалось не вмешиваться в дворянские выборы, запрещалось домогаться избрания одних депутатов и отстранения от должности других; губернское правление и палаты не могли посылать предводителям распоряжений и требовать от них отчетов, но сносились с губернскими и уездными предводителями или через депутатское собрание, или через губернатора. Однако вопрос о том, в какой мере *на практике* соблюдались эти ограничения и в какой мере губернаторы (и коронная администрация в целом) влияли на деятельность дворянских собраний, нуждается в дальнейшем изучении. В любом случае в литературе можно встретить примеры не юридических, но вполне себе действенных способов воздействия власти на дворянские собрания – например, такие: «Я преднамеренно и неоднократно говорил при всех, что надеюсь представить государю зрелище собрания дворянства верного... Дабы сообщить более вероятия таким моим речам, я приказал поставить невдалеке от дворца две повозки, запряженные почтовыми лошадьми, и подле них прохаживаться двум полицейским офицерам, одетым по-курьерски. Если кто-либо из любопытных осведомлялся: для кого назначены эти повозки? – они отвечали: “А для тех, кому прикажут ехать”. Эти ответы и весть о появлении повозок дошли до собрания, и фанфароны, во все продолжение оно, не промолвили слова и вели себя, как подобает благонаравным детям» (Ростопчин, 1992: 269).

Тем не менее, по мнению Б.Н. Миронова, дворянские собрания были важны для дворян, поскольку «выполняли две значимые и высоко им ценимые общественные функции»: во-первых, дворянство ограничивало произвол коронной администрации, защищая своих членов от ее злоупотреблений, и, во-вторых, служило выражением общественного мнения (Миронов, 2015а: 287–288). С нашей точки зрения данный тезис следует подкрепить (или опровергнуть) конкретными исследованиями на местном материале. В 1990–2000-е гг. появилось немало работ, посвященных провинциальному дворянству, в настоящее время ощущается острая потребность в специальных историографических обзорах, на что справедливо указывает и Б.Н. Миронов (Миронов, 2015а: 296). Во многих работах, впрочем, рассматриваются преимущественно такие вопросы, как экономика дворянского имения, финансовое положение дворянства, дворянская семья, культура сословия, и обычно не анализируются сословные учреждения дворянства и их взаимоотношения с коронной администрацией. Лишь в немногих работах данной теме уделяется достаточное внимание. Важным вкладом в разработку проблемы стала монография Т.Н. Литвиновой, и ее автор на материале Воронежской губернии пришла к выводу о высокой степени зависимости дворянского сословного самоуправления от губернской власти, из-за чего функционирование сословных самоуправленческих структур во многом оказалось неудачным прежде всего для самого дворянского общества (Литвинова, 2010).

Не следует забывать, что дворянское самоуправление было создано далеко не везде, оно отсутствовало в большинстве окраинных губерний с малочисленным потомственным дворянством и/или сложным этноконфессиональным составом. К 1863 г. дворянская корпоративная организация существовала в 44 губерниях, но в этом году дворянские собрания были запрещены в девяти западных губерниях после поражения второго польского восстания. После этого, по подсчетам А.П. Корелина, уже около 40 % дворян Российской империи проживали в губерниях, не имевших своих корпоративных дворянских организаций (Корелин, 1979: 135).

Активность дворян колебалась волнообразно. Само создание дворянской корпоративной организации вызвало прилив энтузиазма – по свидетельству современников, первые выборы и были самые лучшие, «намерения монархини произвели всеобщий энтузиазм к добру, но скоро сей жар простыл» (Романович-Славатинский, 1870: 491). При Павле I активность, естественно, резко упала, вновь выросла в начале царствования Александра I и снизилась при Николае I настолько, что он счел необходимым в 1831 г. признать участие дворян в собраниях обязанностью; впрочем, серьезных последствий это решение не имело, на что указывают все авторы.

Причины широкого распространения дворянского абсентеизма вызывали споры уже в дореволюционной литературе. Их видели в фактической обязательности дворянской

службы по выборам (Романович-Славатинский, 1870: 446–447), чрезмерном правительственном контроле над дворянской корпоративной организацией (Лохвицкий, 1864: 205), пассивности и инертности самого дворянства (Дитятин, 1885: 23). Б.Н. Миронов, ссылаясь на работы А.И. Куприянова и Е.С. Корчминой, поставил под сомнение сам факт масштабного распространения абсентеизма (Миронов, 2015а: 287). Однако важным следствием стремления дворян уклониться от выборных должностей и недовольства их местной службой было отмеченное еще А.В. Романовичем-Славатинским «низкое качество избираемых лиц» – причем этот вывод сделан не на основе мемуарных источников, а в результате анализа официальных документов (докладов министров внутренних дел императору) (Романович-Славатинский, 1870: 497–499).

После 1861 г. дворянская корпоративная организация продолжала существовать, не претерпев в своей основе существенных изменений; лишь некоторые частные вопросы, связанные с ее деятельностью, подверглись пересмотру, уточнению и подтверждению. При этом, по подсчетам С. Беккера, к 1905 г. всей полнотой избирательных прав обладали всего 25 % дворян, и еще 45 % могли участвовать в непрямых выборах (через своих уполномоченных) (Беккер, 2004: 226).

Вместе с тем в пореформенной России активность дворянских организаций существенно возросла в самых разных направлениях, в том числе в политическом. В 1859 г. запрет Александра II на обсуждение крестьянского вопроса в дворянских собраниях лишь стимулировал обширные дискуссии на тему устройства России (Корнилов, 1993: 220). В 1862 г. тверское дворянство, а в 1865 г. московское дворянство приняли адреса, в которых предлагалось создать некий представительный орган с участием дворянства и других сословий. В результате разгневанная верховная власть пошла на изменение законодательства: в 1867 г. был издан закон «О порядке производства дел в сословных и общественных собраниях», который министр внутренних дел П.А. Валуев назвал «задвигкой для конституционных заявлений» (Валуев, 1961: 139). Следствием стали «десятилетия апатичного существования» собраний (Беккер, 2004: 227), когда они занимались преимущественно вопросами внутрисословной благотворительности, опекой, ведением родословных книг, содержанием пансионатов для дворянских детей и другими узкосословными дворянскими вопросами. При этом проблема абсентеизма в пореформенное время значительно осложнилась даже по сравнению с дореформенным – абсолютное большинство дворян собрания игнорировали (Беккер, 2004: 229–232).

Существовали достаточно серьезные региональные различия между дворянскими собраниями, обусловленные спецификой развития регионов. Так, к примеру, московское дворянство было одним из самых многочисленных и состоятельных в Российской империи, и его сословная корпорация довольно успешно осуществляла свою деятельность. Другие же дворянские общества часто были вынуждены ограничивать свою активность из-за нехватки средств (Цветков, 2012: 356). На различия между губерниями как на источник разногласий в оценке деятельности дворянских корпораций указывает и Б.Н. Миронов (Миронов, 2015а: 296–297).

В начале XX в. в условиях обострившегося политического противостояния дворянские собрания нередко использовались как инструмент для оказания давления на власть – даже в тех случаях, когда оппозиционно настроенным деятелям не удавалось получить большинство. Яркий пример такого рода деятельности приведен в воспоминаниях В.А. Маклакова: «...предстояла сессия московского дворянства. Оно было особенным по составу. Почти вся служилая знать принадлежала к дворянству столиц... Либеральное направление не могло надеяться отстоять своих позиций в московском дворянстве, но оно решило не сдаваться без боя. Кампания пошла с обеих сторон. Были мобилизованы все. Я никогда не принимал участия в дворянских собраниях, и мне пришлось шить мундир. Нам помогало, что предводитель, князь П.Н. Трубецкой, нам сочувствовал; реакционный адрес показался бы осуждением ему самому. Его помощь была очень действительна» (Маклаков, 2006: 272). Далее автор описывает, как после напряженной борьбы либерально настроенной части дворянства удалось добиться принятия наряду с консервативным адресом в поддержку самодержавия «особого мнения», отражавшего точку зрения либералов как влиятельного меньшинства.

В 1906 г. после принятия указа «О Временных правилах об обществах и союзах» по инициативе и на основе губернских дворянских обществ было создано всероссийское сословно-дворянское корпоративное объединение с ассоциативным членством – «Съезды

уполномоченных губернских дворянских обществ» («Объединенное дворянство»). В советской историографии его деятельность оценивалась крайне критически, в настоящее время оценки стали более умеренными и взвешенными.

Итак, можно ли говорить о существовании в России сословного дворянского самоуправления (как мы видели, некоторые исследователи в этом сомневались)? С нашей точки зрения – несомненно. Но если *юридическое* начало ему положила Жалованная грамота дворянству 1785 г., то *фактическое* самоуправление формируется на протяжении многих десятилетий и сохраняет свой весьма ограниченный характер и к началу XX в.

Как уже отмечалось выше, современные исследователи, памятуя об опыте XX столетия, склонны преувеличивать роль и самостоятельность дворянской корпоративной организации. По нашему мнению, Б.Н. Миронов несколько «перебарщивает» с характеристикой дореформенного дворянского общества как «сложившегося элемента гражданского общества» (и если сложившегося, то когда и как оно успело сложиться?). В общем и целом эта характеристика приложима только к периоду *после* реформ 1860-х гг. Говорить об автономных от государства сообществах свободных граждан в период правления Николая I (как и в более ранние периоды) – едва ли возможно.

С другой стороны, когда А.С. Туманова пишет, что «дворянская корпоративная организация была... институтом традиционного, сословного общества, но никак не гражданского» (Туманова, 2011: 168–169), то вряд ли эта характеристика в полной мере приложима к пореформенному обществу. За почти полтора столетия своей истории дворянская корпоративная организация, по-видимому, эволюционировала из института традиционного в гражданский (сохранив многие черты традиционной организации).

Литература

- Анисимов, 2008 – Анисимов Е. Императорская Россия. СПб.: Питер, 2008. 640 с.
- Беккер, 2004 – Беккер С. Миф о русском дворянстве. М.: НЛО, 2004. 344 с.
- Валуев, 1961 – Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел: в 2 т. Т. 2: 1865–1876. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 588 с.
- Винский, 1877 – Записки Г.С. Винского // Русский архив. 1877. Кн. 1. С. 76–123.
- Градовский, 1878 – Градовский А. Системы местного управления на западе Европы и в России // Сборник государственных знаний. СПб., 1878. Т. VI.
- Дитятин, 1885 – Дитятин И.И. К истории жалованных грамот дворянству и городам // Русская мысль. 1885. Кн. VI.
- Еремян, Федоров, 1999 – Еремян В.В., Федоров М.В. История местного самоуправления в России (XII – начало XX в.): учеб. пособие. Ч. 1. М.: Изд-во РУДН, 1999. 296 с.
- Иванова, Желтова, 2009 – Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи. М.: Новый Хронограф, 2009. 752 с.
- Ключевский, 2010 – Ключевский В.О. Западное влияние в России после Петра // Ключевский В.О. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С. 415–515.
- Корелин, 1979 – Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904. М.: Наука, 1979. 303 с.
- Корнилов, 1993 – Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М.: Высшая школа, 1993. 446 с.
- Корф, 1906 – Корф С.А. Дворянство и его сословное управление за столетие: 1762–1855. СПб., 1906. 720 с.
- Леонтович, 1995 – Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762–1914. М.: Русский путь, 1995. 444 с.
- Литвинова, 2010 – Литвинова Т.Н. Дворянские сословные учреждения Воронежской губернии в последней четверти XVIII – первой четверти XIX вв. Воронеж: Наука: ЮНИПРЕСС, 2010. 246 с.
- Лохвицкий, 1864 – Лохвицкий А.В. Губерния, ее земские и правительственные учреждения. СПб., 1864. 228 с.
- Маклаков, 2006 – Маклаков В.А. Воспоминания: Лидер московских кадетов о русской политике. 1880–1917. М.: Центрполиграф, 2006. 352 с.
- Миронов, 2003 – Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. 3-е изд., испр. и доп. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 548 с.

- Миронов, 2013** – *Миронов Б.Н.* Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информации. М.: Весь мир, 2013. 336 с.
- Миронов, 2014** – *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 1. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2014. 896 с.
- Миронов, 2015a** – *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 2. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. 912 с.
- Миронов, 2015b** – *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 3. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. 992 с.
- Пайпс, 1993** – *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. 424 с.
- Романович-Славатинский, 1870** – *Романович-Славатинский А.В.* Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права. СПб., 1870. 594 с.
- Ростопчин, 1992** – *Ростопчин Ф.В.* Записки о 1812 годе // *Ростопчин Ф.В.* Ох, французы! М.: Русская книга, 1992. 336 с.
- Туманова, 2011** – Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. / отв. ред. А.С. Туманова. М.: РОССПЭН, 2011. 887 с.
- Цветков, 2012** – *Цветков В.С.* Дворянское самоуправление России во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам Московского дворянского собрания): дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. 374 с.
- Щербатов, 1896** – *Щербатов М.М.* Примечания верного сына отечества на дворянские права на манифест // Сочинения. Т. 1: Политические сочинения / под ред. И.П. Хрущева. СПб., 1896. Стб. 269–334.

References

- Anisimov, 2008** – *Anisimov E.* Imperatorskaya Rossiya [Imperial Russia]. St. Petersburg: Piter, 2008. 640 p. [in Russian].
- Bekker, 2004** – *Bekker S.* Mif o russkom dvoryanstve [Myth of the Russian nobility]. Moscow: NLO, 2004. 344 p. [in Russian].
- Dityatin, 1885** – *Dityatin I.I.* K istorii zhalovannykh gramot dvoryanstvu i gorodam [On the history of charters to the nobility and cities] // *Russkaya mysl'* [Russian thought]. 1885. Kn. VI [in Russian].
- Eremyan, Fedorov, 1999** – *Eremyan V.V., Fedorov M.V.* Istoriya mestnogo samoupravleniya v Rossii (XII – nachalo XX v.): uchebnoe posobie [The history of local government in Russia (12 – the beginning of the 20th century): textbook]. Ch. 1. Moscow: Izdatel'stvo RUDN, 1999. 296 p. [in Russian].
- Gradovskii, 1878** – *Gradovskii A.* Sistemy mestnogo upravleniya na zapade Evropy i v Rossii [Local Management Systems in Western Europe and in Russia] // *Sbornik gosudarstvennykh znaniy* [Proceedings of public knowledge]. St. Petersburg, 1878. T. VI [in Russian].
- Ivanova, Zheltova, 2009** – *Ivanova N.A., Zheltova V.P.* Soslovnoe obshchestvo Rossiiskoi imperii [The estate society of the Russian Empire]. Moscow: Novyi Khronograf, 2009. 752 p. [in Russian].
- Klyuchevskii, 2010** – *Klyuchevskii V.O.* Zapadnoe vliyanie v Rossii posle Petra [Western influence in Russia after Peter] // *Klyuchevskii V.O.* Izbrannoe [Favorites]. Moscow: ROSSPEN, 2010, pp. 415–515 [in Russian].
- Korelin, 1979** – *Korelin A.P.* Dvoryanstvo v poreformennoi Rossii. 1861–1904 [The nobility in the post-reform Russia. 1861–1904]. Moscow: Nauka, 1979. 303 p. [in Russian].
- Korf, 1906** – *Korf S.A.* Dvoryanstvo i ego soslovnoe upravlenie za stoletie: 1762–1855 [The nobility and the estates management in a century: 1762–1855]. St. Petersburg, 1906. 720 p. [in Russian].
- Kornilov, 1993** – *Kornilov A.A.* Kurs istorii Rossii XIX veka [The course of Russian history of the 19th century]. Moscow: Vysshaya shkola, 1993. 446 p. [in Russian].
- Leontovich, 1995** – *Leontovich V.V.* Istoriya liberalizma v Rossii. 1762–1914 [The history of liberalism in Russia. 1762–1914]. Moscow: Russkii put', 1995. 444 p. [in Russian].
- Litvinova, 2010** – *Litvinova T.N.* Dvoryanskie soslovnye uchrezhdeniya Voronezhskoi gubernii v poslednei chetverti XVIII – pervoi chetverti XIX vv. [Noble class institutions Voronezh province in the last quarter of 18th – the first quarter of the 19th century]. Voronezh: Nauka: YUNIPRESS, 2010. 246 p. [in Russian].
- Lokhvitskii, 1864** – *Lokhvitskii A.V.* Guberniya, ee zemskie i pravitel'stvennye uchrezhdeniya [The county, its rural and government agencies]. St. Petersburg, 1864. 228 p. [in Russian].

[Maklakov, 2006](#) – *Maklakov V.A.* Vospominaniya: Lider moskovskikh kadetov o russkoi politike. 1880–1917 [Memories: The leader of the Moscow Kadets on Russian politics. 1880–1917]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2006. 352 p. [in Russian].

[Mironov, 2003](#) – *Mironov B.N.* Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): Genezis lichnosti, demokraticheskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva [Social history of the Russian Empire (the 18th – early 20th centuries): Genesis of personality, democratic family, civil society and lawful state]: 2 t. 3rd ed. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2003. T. 1. 548 p. [in Russian].

[Mironov, 2013](#) – *Mironov B.N.* Strasti po revolyutsii: Nравы v rossiiskoi istoriografii v vek informatsii [The passion for the revolution: mores in the Russian historiography in the information age]. Moscow: Ves' mir, 2013. 336 p. [in Russian].

[Mironov, 2014](#) – *Mironov B.N.* Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]: 3 t. T. 1. St. Petersburg: DMITRII BULANIN, 2014. 896 p. [in Russian].

[Mironov, 2015a](#) – *Mironov B.N.* Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]: 3 t. T. 2. St. Petersburg: DMITRII BULANIN, 2015. 912 p. [in Russian].

[Mironov, 2015b](#) – *Mironov B.N.* Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]: 3 t. T. 3. St. Petersburg: DMITRII BULANIN, 2015. 996 p. [in Russian].

[Paips, 1993](#) – *Paips R.* Rossiya pri starom rezhime [*Pipes R.* Russia under the old regime]. Moscow: Nezavisimaya gazeta [Publishing house "Independent newspaper"], 1993. 424 p. [in Russian].

[Romanovich-Slavatinskii, 1870](#) – *Romanovich-Slavatinskii A.V.* Dvoryanstvo v Rossii ot nachala XVIII v. do otmeny krepostnogo prava [The nobility in Russia from the beginning of the 18th century before the abolition of serfdom]. St. Petersburg, 1870. 594 p. [in Russian].

[Rostopchin, 1992](#) – *Rostopchin F.V.* Zapiski o 1812 gode [Notes on the 1812] // *Rostopchin F.V.* Okh, frantsuzy! [Oh, the French!]. Moscow: Russkaya kniga, 1992. 336 p. [in Russian].

[Shcherbatov, 1896](#) – *Shcherbatov M.M.* Primechaniya vernogo syna otechestva na dvoryanskie prava na manifest [Notes faithful son of the fatherland in the nobility of the right to manifest] // Sochineniya [Works]. T. 1: Politicheskie sochineniya [Political writings] / pod red. I.P. Khrushcheva. St. Petersburg, 1896, stb. 269–334 [in Russian].

[Tsvetkov, 2012](#) – *Tsvetkov V.S.* Dvoryanskoe samoupravlenie Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. (po materialam Moskovskogo dvoryanskogo sobraniya) [Noble municipality Russia in the second half of 19th – early 20th century (on materials of the Moscow Nobility Assembly)]: dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, 2012. 374 p. [in Russian].

[Tumanova, 2011](#) – Samoorganizatsiya rossiiskoi obshchestvennosti v poslednei treti XVIII – nachale XX v. [Russian public self-organization in the last third of the 18th – the beginning of the 20th century] / otv. red. A.C. Tumanova. Moscow: ROSSPEN, 2011. 887 p. [in Russian].

[Valuev, 1961](#) – Dnevnik P.A. Valueva, ministra vnutrennikh del [The diary of P.A. Valuev, minister of the interior]: 2 t. T. 2: 1865–1876. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1961. 588 p. [in Russian].

[Vinskii, 1877](#) – Zapiski G.S. Vinskogo [Notes G.S. Vinsky] // Russkii arkhiv [Russian archive]. 1877. Kn. 1, pp. 76–123 [in Russian].

УДК 94(47)

Дворянское сословное самоуправление в России: между государством и гражданским обществом

Александр Юрьевич Морозов^{a,*}

^a Московский государственный областной университет, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: almor1965@gmail.com (А.Ю. Морозов)

Аннотация. Статья посвящена оценке роли дворянского самоуправления в истории России. По мнению Б.Н. Миронова, до Великих реформ 1860-х гг. каждое дворянское общество представляло собой сложившийся элемент гражданского общества. Эта точка зрения вызвала возражения и полемику среди российских историков. Морозов проанализировал историографический аспект проблемы и показал влияние на российских историков социально-политического контекста их научного творчества. По его мнению, сугубо юридической точки зрения есть основания для вывода о том, что в первой половине XIX в. усиливалась самостоятельность дворянских собраний. Однако слабо изучен вопрос о том, в какой мере на практике эти возможности реализовывались. В литературе есть примеры действенных способов воздействия власти на дворянские собрания вопреки юридическим ограничениям, а также примеры того, что дворянские собрания не ограничивали произвол коронной администрации и не защищали своих членов от ее злоупотреблений и не служили выражением общественного мнения. Попытка Миронова поставить под сомнение факт масштабного распространения абсентеизма не кажется Морозову убедительной. Однако он согласен с Мироновым в том, что после 1861 г. дворянские общества действительно превратились в элемент гражданского общества, поскольку активность дворянских организаций существенно возросла в самых разных направлениях, в том числе в политическом. За почти полтора столетия своей истории дворянская корпоративная организация эволюционировала из традиционного института в гражданский, сохранив многие черты традиционной организации.

Ключевые слова: дворянское сословное самоуправление; гражданское общество; вмешательство властей в самоуправление; Российская империя; абсентеизм; Жалованная грамота дворянству; историография; дискуссия о самоуправлении; эволюция дворянских обществ; юридические и фактические права.